

Л. Р. ЗИНДЕР и М. И. МАТУСЕВИЧ

К ИСТОРИИ УЧЕНИЯ О ФОНЕМЕ

Дискуссия, поднятая на страницах «Известий АН СССР», свидетельствует о том, что за последнее время среди советских языковедов возрос интерес к теоретическим вопросам фонетики, в частности к теории фонемы. Естественно, что в центре внимания находится выяснение самого понятия фонемы, а для этого полезно проследить историю развития учения о фонеме. К ней часто и обращаются авторы соответственных работ, однако это обычно сводится к ссылкам на отдельные высказывания старых лингвистов, приводимым для подкрепления тех или иных положений.

В настоящей статье мы хотим показать, как развивалась теория фонемы; при этом мы не связываем этого вопроса с вопросом об употреблении самого термина «фонема». Мы не предполагаем также дать полный обзор всех существующих в литературе высказываний о фонеме, а только тех, которые внесли что-то новое в ее понимание. Так, мы не касаемся многочисленных работ, относящихся к последним двум десятилетиям, в которых на разные лады повторяются основные идеи структуралистов.

Первые в истории науки высказывания, действительно положившие начало новому представлению о звуках речи, мы находим в магистерской диссертации И. А. Бодуэна де Куртенэ «О древнепольском языке до XIV столетия», вышедшей в свет в 1870 г. Здесь впервые появляется мысль о возможном несовпадении «...физической природы звуков с их значением в чутье народа» или «...в механизме языка»¹. «Чутье народа» или «механизм языка» обнаруживается, по мысли Бодуэна, в том, что морфему, существующую в разных позиционно обусловленных звучаниях, мы воспринимаем как одну и ту же. «Только физиологическая необходимостью, — пишет Бодуэн, — действующею во все эпохи развития языка, объясняется тот закон польского языка (и вообще славянских), что в конце слов звучные согласные переходят в соответствующие им беззвучные, хотя психологически, для чутья народа, в механизме языка они остаются звучными. И так в конце слов $g = k$, $d = t$, $d' = t'$, $z = s$, $z' = s'$, $ž = š$ и т. д.»²

В следующей опубликованной работе Бодуэна «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» (1871 г.) находим ту же мысль о морфологической обусловленности звуков речи, но в более четкой формулировке. «Роль звуков в механизме языка, — пишет Бодуэн, — их значение для чутья народа, не всегда совпадающее с соответственными категориями звуков по их физическому свойству, и обусловленное, с одной стороны, физиологическою природою, а с другой, происхождением, историей звуков; это разбор звуков с морфологической словообразовательной точки зрения»³. На основании этих соображений Бодуэн и предлагает различать в фонетике две части: одну часть — физиологическую и другую, которую он прямо и называет морфологической⁴.

¹ Указ. соч., стр. 39.

² Там же, стр. 38.

³ Указ. соч., стр. 24.

⁴ Там же.

Эта мысль Бодуэна получила свое дальнейшее развитие в трудах его ученика Н. В. Крушевского, который и применил впервые термин «фонема», имея в виду противопоставление физиологического и «морфологического» (по терминологии Бодуэна) аспектов звуков речи. Определяя термин «фонема», Крушевский писал: «Это слово может быть с пользой употребляемо, как термин для означения фонетической единицы; тогда как слово «звук» могло бы означать единицу в так называемой физиологии звука. Дело в том, что фонетическая единица не всегда бывает отдельным звуком: она может состоять из двух звуков, напр., *мл'* в слове *земля*, *шт* в слове *свѣшта*. Сочетания *мл'*, *шт* в этих словах с точки зрения фонетики не делимы, и нельзя искать корреспондентов, напр. в польском, для обоих звуков порознь: *мл'* || польск. *т'*, *шт* || *с*. В таких случаях, как *знамя*, конечной фонетической единицей надо считать *а* со смягчением предшествующего согласного; следовательно, здесь фонетическая единица состоит из одного звука и качества другого звука»⁵.

Таким образом, Крушевский, отправляясь от мысли Бодуэна о единстве звуков, чередующихся в одной морфеме в пределах одного и того же языка, пришел к мысли о единстве звуков, корреспондирующих внутри одной морфемы в родственных языках. Иначе говоря, Крушевский переводит понятие фонемы в чисто этимологический план, совершенно сознательно отрывая фонему от звука.

По той же линии идет Бодуэн в работе «Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков», опубликованной в 1881 г. В своих рассуждениях он отправляется от гомогенности морфемы и устанавливает понятие гомогенов, т. е. звуков (или сочетаний звуков), входящих в состав гомогенных морфем. При этом он различает два типа гомогенов: «дивергенты — видоизменения одного (и того же) звука, обусловленные теперь действующими звуковыми законами» и «коррелятивы — антропофонически различные, но гомогенные звуки, различие которых не может быть объяснено имеющимися теперь налицо условиями»⁶. В связи с различием дивергентов и коррелятивов Бодуэн вкладывает и несколько иное, по сравнению с Крушевским, значение в термины «звук» и «фонема». Он предлагает применять термин «звук» по отношению к дивергентам, что же касается термина «фонема», то он пишет: «Но переходя в область коррелятивов и корреспондентов (т. е. гомогенных звуков родственных языков. — Л. З.; М. М.), мы не можем довольствоваться одним этим термином и именно по следующим соображениям: определяя коррелятивы... мы должны отстранить дивергентные случаи отдельные звуки и вместо них подставить общие выражения подвижных в этом отношении звуков, являющихся, так сказать, их общими знаменателями»⁷. Предполагая применять в этом случае термин «фонема», Бодуэн дает следующее определение ее. «Итак, фонема есть сумма обобщенных антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимая при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нескольких языков. Иначе: фонема есть фонетическое неделимое с точки зрения сравниваемости фонетических частей слова»⁸.

Говоря об отношении фонем к звукам, Бодуэн указывал, что с антропофонической точки зрения фонема может равняться: 1) целному неделимому звуку, например *в* в словах *ворот*, *ров*; 2) неполному звуку, например, мягкость в случае чередования мягкого и твердого согласного (*сяду* | *сад*); 3) целному звуку плюс свойство другого, например *у* || *а* в словах

⁵ Н. Крушевский, Новейшие открытия в области арио-европейского вокализма, «Русск. филол. вестн.», 1880, стр. 36 (сноска).

⁶ Указ. соч., Русск. филол. вестник, 1881, стр. 325.

⁷ Там же, стр. 331.

⁸ Там же, стр. 332.

смущение || *смятение* (т. е. *см'атение*); 4) двум или более звукам, например, в слове *вращать* сочетания *ра*, а также и *ич* представляют каждое одну фонему. Точно так же одной фонемой является и сочетание *оро* в слове *воротить*. Неделимость подобных фонем Бодуэн обосновывает тем, что сочетание *ич* (*иц*) чередуется с одним звуком *ч*, а *ра* и *оро* чередуются как некие неделимые целые, а потому каждое из них и представляет собой единую фонему⁹.

Из всего вышеизложенного вытекает, что как для Крушевского, так и для Бодуэна в рассматриваемый период его деятельности фонема была по существу не фонетической, а этимолого-морфологической единицей.

В своей работе «*Próba teorji alternacyj fonetycznych*», вышедшей в свет в 1894 г.¹⁰, Бодуэн, хотя и отказывается от вышеприведенного определения фонемы, но все же в значительной степени продолжает развивать свои старые идеи. Эту работу он посвящает исследованию причин различного звучания гомогенных морфем. Устанавливая при этом два основных типа чередований — неофонетические и палеофонетические, — Бодуэн считает, что, в конечном счете, всякое чередование восходит к типу неофонетических, будучи обусловлено определенным фонетическим положением фонемы; такого рода чередование он называет *дивергенцией*, а чередующиеся звуки — *дивергентами*. Внутри дивергенций Бодуэн различает зародышевую дивергенцию (*keimende Divergenz*) и живую (*lebendige*), иначе — явную (*sichtbare*) дивергенцию. Зародышевые дивергенты характеризуются, по Бодуэну, тем, что они возникают в результате действия чисто физиологических (антропофонических) факторов, как, например, дивергенты фонемы *k* в сочетаниях *ka*, *ke*, *ki*, *ko*, *ku* и т. д. Такие дивергенты, не связанные между собой этимологически, а выступающие в совершенно независимых друг от друга морфемах, не осознаются говорящими и слушающими. Живые или явные дивергенции возникают также под влиянием физиологических факторов, но лишь в пределах одной и той же морфемы, как, например, *-t(-d) || -d-*, *-s(-z) || -z-* в словах *rot* (*rod*) — *рода*, *vos* (*voz*) — *воза* и т. д.¹¹ Подобные дивергенты замечаются и осознаются еще и потому, что встречаются в родственных морфемах в независимом фонетическом положении. Так, *t || d'*, например, в словах *сватать* — *свадьба*, представляют собой явные дивергенты, так как то же чередование встречается в словах *сватать* — *свадебный*, где оно фонетически не обусловлено¹². Общим для всех дивергенций является расхождение между намерением и исполнением. В сознании говорящего, по мысли Бодуэна, та или иная морфема, будучи постоянно связана с одним и тем же определенным значением, существует в одном и том же звучании и, следовательно, он всегда намеревается произносить ее одинаково. Однако этому препятствуют те или иные физиологические факторы, в силу действия которых звучание морфемы частично изменяется. Так, например, конечный согласный морфемы *rod* выступает в имен. и дат. падежах, вопреки намерению говорящего, в различных звучаниях — *rot* — *роду*, представляющих дивергенты разного характера: глухой и звонкий согласные составляют явные или собственно дивергенты, а огубленный и неогубленный согласные — зародышевые дивергенты.

Такова в кратких чертах теория неофонетических чередований или дивергенций Бодуэна. Следует, однако, отметить, что она излагалась им в сложном переплетении с другими видами чередований, поскольку он стремился показать внутреннюю связь между ними и постепенность перехода одного вида чередований в другой. Если учесть при этом конспек-

⁹ Указ. соч., стр. 333 и след.

¹⁰ В дальнейшем мы цитируем по немецкому изданию этой книги «*Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen*», 1895.

¹¹ Указ. соч., стр. 81 и след.

¹² Там же, стр. 50—51.

тивность и схематичность изложения, сложность классификации, изобилующей большим количеством различных рубрик и подрубрик, а в связи с этим сложность и непривычность терминов и непоследовательность их употребления (например, термина фонема, да и самого термина дивергент), то неудивительно, что книга Бодуэна оказалась мало доступной для современных ему лингвистов и высказанные в ней идеи не получили дальнейшего развития в трудах ближайших его учеников за исключением Л. В. Щербы.

Кроме этого, в самом существе теории Бодуэна остается неясным вопрос о том, чем определяется психическое единство зародышевых дивергентов, которые не связаны с единством морфемы. В самом деле, если еще можно понять, что мы стремимся произносить одинаково морфему *rod* в словах *rod* — *рода* и поэтому и осознаем разное звучание конечного согласного как одинаковое, то остается непонятным, с точки зрения теории Бодуэна, в силу чего мы стремимся одинаково произнести, например, согласный *ж* в таких словах, как *куль*, *кот*, *как* и т. д., и почему мы осознаем эти разное звучащие согласные как одну фонему.

Далее, излагая свою теорию дивергентов, Бодуэн не ставит вопроса о соотношении дивергентов различного типа с фонемой. Причина этого, возможно, кроется в том, что Бодуэн, как уже указывалось выше, в этой своей работе дал другое, чисто психологическое толкование понятия фонемы. «Фонема, — пишет он, — это цельное относящееся к фонетическому миру представление, которое возникает в душе путем психологического слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука, — это психический эквивалент звука речи. С цельным представлением фонемы ассоциируется известная сумма отдельных антропофонических представлений, которые являются, с одной стороны, артикуляционными представлениями, т. е. представлениями о совершенных или совершаемых физиологических или артикуляционных работах, а с другой стороны, акустическими представлениями о воспринятых или воспринимаемых результатах этих физиологических работ»¹³. Следовательно, фонема называется теперь у Бодуэна ассоциированной не с морфологическими или этимологическими, а с чисто акустико-артикуляционными представлениями.

Такое определение делает неясным различие между фонемой и зародышевым дивергентом, поскольку с ним, имеющим определенные акустико-физиологические свойства, также связывается определенное представление. С другой стороны, это определение фонемы находится в противоречии и с понятием явных дивергентов, на что обратил внимание еще Булич, который писал: «В рассуждениях проф. Бодуэна о фонеме есть, однако, некоторые неясности, которые требуют устранения. Так, например, по его мнению, в формах: *ног* (произносится *нок*) и *нога* одна и та же фонема *г*, и разница между *г* и *ж* в произношении этих слов есть лишь разница физиологическая, но не психическая и зависящая только от условий произношения. В этих словах заключается допущение, что известные процессы произношения совершаются независимо от соответствующих им акустико-моторных представлений или фонем, и даже вопреки им... Кроме того, раз, по определению самого проф. Бодуэна, в цельное представление звука или в фонему входит и воспоминание о всех слышанных данных звуках, то странным является его предположение, будто человек, всегда слышавший форму *ног* с *ж* в конце (*нок*), все-таки мыслит или представляет ее с *г*»¹⁴.

В дальнейшем Бодуэн все больше укрепляется на этих психологических позициях, что явствует из его рассуждений о фонеме во «Введении в языковедение». «Звук языка, как его действительный элемент, есть чистейшая фикция, ученое измышление, возникшее благодаря смешению

¹³ Указ. соч., стр. 9.

¹⁴ «Фонема», «Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона», т. 36, 1902, стр. 240.

понятий и подстановке мгновенно появляющегося, преходящего вместо постоянно существующего.

Существует и непрерывно продолжается в индивидуальной психике представление звуковой единицы, называемой обыкновенно «звуком языка». Произнесение звука, сопряженные с этим мускульные ощущения, равно как и являющееся результатом произнесения акустическое впечатление, есть не что иное, как знак того, что в нашей психике существует соответствующее звуковое представление.

Это постоянно в нашей психике существующее представление «звука», т. е. одновременного сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого представлений, мы будем называть *фоноемой*¹⁵. Все это рассуждение и определение фонемы оставалось неизменным и во всех последующих изданиях, т. е. вплоть до 1917 года.

Далее, исходя из того, что произнесение звука складывается из ряда отдельных движений различных произносительных органов и что восприятие, соответственно, складывается из акустических результатов этих движений, Бодуэн пришел к мысли, что фонема не является неделимой: дальше единицей. Он полагал, что она также разделяется на ряд представлений отдельных артикуляций и соответствующих им акустических представлений. Впоследствии в более поздних изданиях Бодуэн дал им названия — *кинемы* и *акузмы*.

Сопоставляя приведенное выше определение фонемы Бодуэна со старым его определением, мы видим, что он теперь уже переводит фонему из области этимолого-морфологической в область психофонетическую. Вместе с тем и сейчас тождество морфемы в случае живых чередований определяет, по Бодуэну, тождество фонемы: например, в словах *везу* — *вез* (= *в'ос*) имеется одна и та же фонема *з*. Правда, Бодуэн допускает, что «...может быть у некоторых носителей русского языкового мышления» *с* в слове *вез* уже отделилось «как всесторонне самостоятельная фонема» от фонемы *з* в слове *везу*¹⁶. Остается все же неясным, что позволяет Бодуэну допускать возможность обособления данной фонемы и что дало бы ему основание утверждать, что такое обособление безусловно уже совершилось.

В более поздних изданиях «Введения» Бодуэна этимолого-морфологическая точка зрения получает дальнейшее развитие, а именно: одна и та же (с точки зрения артикуляционной) фонема может расщепиться на две и больше в том случае, если она входит в исторические чередования с разными фонемами. Так, Бодуэн пишет: «С этой точки зрения, с точки зрения ассоциаций с семасиологическими и морфологическими представлениями, с точки зрения семасиологизации и морфологизации, с точки зрения альтернатив, с точки зрения этимологии в области одного и того же языкового мышления, в русском языковом мышлении имеются три фонемы *з*:

z/g	(ж/з), напр. <i>могу/може</i> —
z/z'i	(ж/ви), напр. <i>вожу/воги</i> —
z/d'i	(ж/ди), напр. <i>вожу/води</i> — ¹⁷

В дальнейшем Бодуэн не дал ничего нового в области учения о фонеме. Резюмируя же все вышеизложенное, надо сказать, что в его учении нельзя найти удовлетворительного ответа на один из основных вопросов общей фонетики: что такое отдельный звук речи и чем определяется объединение различных звучаний в одной и той же (с точки зрения того или иного языка) звуковой единице. Что же касается этимолого-морфологического критерия, используемого Бодуэном в применении к теории живых или явных дивергентов, то он, как указывалось выше, неприменим в отношении зародышевых дивергентов.

¹⁵ Указ. соч., 1908, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 137.

¹⁷ Указ. соч., 1911/12, стр. 161—162.

В старых работах по общей фонетике этот сложный вопрос в некоторых случаях вовсе не ставился, как, например, у Есперсена. В других случаях он затрагивался, но никак по существу не решался, как, например, у Сиверса, который писал, что звук речи «это, в конце концов, лишь зависящая от многообразных форм, в которых этот так называемый отдельный звук может выступать в связной человеческой речи»¹⁸.

Наконец, некоторые фонетики решали его в плане исключительно акустико-физиологическом, как, например, А. И. Томсон, который в своей книге «Общее языковедение» писал: «...Слуховые ощущения и комплексы движений органов речи, обозначаемые буквою *k*, представляют много разновидностей, имеющих между собой общие элементы и известные различия... Но в то же время все звуки, обозначаемые посредством буквы *k*,... имеют в акустическом и особенно физиологическом отношении значительное сходство и существенно отличаются от разных *m*, *φ* и пр. Поэтому все *k* вместе образуют более широкую единицу в звуках и движениях, которая, следовательно, тоже имеет право на название «отдельный звук»¹⁹.

Такая чисто акустико-физиологическая точка зрения не может считаться удовлетворительной, так как она не дает возможности решить вопрос о том, почему одни и те же звуки в одном языке объединяются в одну фонему, а в другом относятся к разным фонемам.

Не может удовлетворить и психологическая точка зрения, выдвинутая Бодуэном. Если фонема есть не более чем сумма артикуляционных и акустических представлений, то непонятно, чем же объясняется тот факт, что одинаковые слагаемые дают в разных языках разные результаты.

Удовлетворительный ответ на вопрос о том, почему звуки, в той или иной мере различающиеся по своим акустико-физиологическим свойствам, могут составлять в языке одну фонетическую единицу (звук речи, фонему) и почему в разных языках одинаковые звуковые различия могут использоваться по-разному, впервые дал Л. В. Щерба. В этом и заключается его огромная заслуга перед наукой. Он первый подошел к новому решению этого вопроса, пользуясь смысловым критерием. Мысль о том, что звуки речи связаны со смыслом слова, сама по себе не является новой в языковедении. Более того, никто никогда не сомневался в том, что замена одного звука речи в слове другим повлечет за собой либо просто его искажение, либо изменение смысла. Так, Сиверс пишет: «Краткими называют в немецком языке ударенные гласные в словах *hatte*, *Kamm*, *Roß*, потому что они, в силу нашей традиционной привычки, не могут быть протянуты, без того чтобы не была разрушена типичная форма слова»²⁰.

Отсюда, естественно, возникла и мысль о том, что отдельный звук речи может использоваться для различения двух и более слов.

Эту мысль мы находим у Бодуэна в его «Введении в языковедение», правда, только начиная с четвертого издания, т. е. с 1912 г.; но и здесь он говорит лишь о семасиологизации отдельных признаков фонемы: «При семасиологическом различении таких слов как *сад/зад*, *там/дам*, *гора/гора*, *суд/зуд*, *нал/бал*... семасиологизовано представление различия разных способов работы голосовых связок»²¹.

Сиверс, доказывая различие в немецком языке краткого и долгого *a*, приводит такие пары слов, как *Fall* — *fahl*, *Falle* — *fahle*²².

Это же соображение находим и в работе Есперсена, который систематически дает длинные ряды слов из нескольких западноевропейских язы-

¹⁸ E. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 1901, стр. 9.

¹⁹ Указ. соч., 1910, стр. 219—220.

²⁰ E. Sievers, указ. соч., стр. 257.

²¹ Указ. соч., стр. 164—165.

²² E. Sievers, указ. соч., стр. 255.

ков, различающиеся по смыслу в зависимости от наличия в них глухого или звонкого согласного, краткого или долгого гласного²³ и т. д.

Аналогичные примеры можно найти и у ряда других фонетиков того времени.

Отправляясь от подобных наблюдений, Есперсен пишет: «Большинство языков различает «долгие» и «краткие» звуки (особенно гласные), некоторые языки, кроме того, — полудолгие; однако они существенно различаются между собой в отношении использования этих долгот. Длительность может отчасти зависеть от внешних фонетических условий (ударение, положение в слове, звуковое окружение) — это внешне обусловленная длительность, отчасти же она может зависеть от внутренних условий, являясь важной составной частью слова, и тогда она может быть так же использована для различения значения, как и составляющие слово звуки сами по себе; это — внутренне обусловленная длительность»²⁴.

Из этих правильных наблюдений Есперсен не сделал, однако, того вывода, что только «внутренне обусловленные» различия дают в языке особые звуковые единицы, тогда как «внешне обусловленные» различия составляют разновидности одной фонемы. Иначе говоря, Есперсен не заметил здесь того, что увидел, как мы дальше покажем, Л. В. Щерба.

Таким образом, часто встречающееся утверждение, что связь звуков со смыслом слов была открыта лишь создателями учения о фонеме, неправильно. Суть учения о фонеме заключается не в этом, а прежде всего в учении об оттенках, т. е. в том, что, в противоположность тем звуковым различиям, которые используются в языке для различения смысла, существуют и другие звуковые различия, не имеющие смыслоразличительной силы в данном языке, которые поэтому и не создают разных фонетических единиц (фонем), как, например, в русском языке различие между лабиализованными и нелабиализованными согласными (ср. *сад* — *суд*). Первый намек на это был дан Л. В. Щербой в его кратком очерке русского произношения, где он говорит «о звуках, имеющих смыслоразличительную силу (т. е. фонемах, согласно терминологии Бодуэна-де-Куртенэ)» и об «оттенках, не имеющих смыслоразличительной силы»²⁵. Но детальное развитие этой идеи было им дано в его магистерской диссертации «Русские гласные в качественном и количественном отношении», вышедшей в свет в 1912 году.

Будучи ближайшим учеником Бодуэна, Л. В. Щерба отправлялся от его теории дивергенции, но принял только ту ее часть, которая касалась так называемых зародышевых дивергентов. На основе этого бодуэновского понятия Щерба и создал свою оригинальную теорию оттенков фонемы. Следуя своему учителю, Щерба вел изложение в психологическом плане, хотя и освободился от сложных бодуэновских формулировок и его запутанной терминологии. Вместе с тем для сути его рассуждений та психологическая оболочка, в которую они облечены, оказывается чисто внешней. Это отчетливо обнаруживается в его рассуждениях по поводу проблемы фонемы и оттенков. «Какие же факторы, — пишет он, — регулируют образование этих типовых представлений, т. е. образование фонем? Прежде всего мы воспринимаем, как тождественное, все мало-мальски сходное с акустической точки зрения, ассоциированное с одним и тем же смысловым представлением, и, с другой стороны, мы различаем все способное само по себе ассоциироваться с новым значением. В словах *дети* и *детки* мы воспринимаем *t'* и *t*, как две разных фонемы, так как в *одеть/одет*, *разуть/разут*, *тук/тох* они дифференцируют значение; но мы воспринимаем различные оттенки первого гласного как одну фонему, так как

²³ O. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, 1913, стр. 82 и след., 183 и след.

²⁴ Там же, стр. 182.

²⁵ L. Ščerba, Court exposé de la prononciation russe, 1911, стр. 2.

не найдем в русском языке ни одного случая, где бы дифференциация смысла была поддерживаема лишь этим двумя оттенками, и такой случай нельзя себе представить даже в искусственном русском слове.

Совершенно обратное видим во французском, где в словах *dé* и *dais* вся разница смысла покоится на различии двух фонем [e] (e узкого) и [ɛ] (e широкого)²⁶.

Из этой цитаты мы видим, что Щерба также пользуется понятием представление. Но в то время как по Бодуэну фонема это только представление артикуляционных работ и получаемых от них акустических впечатлений, по Щербе она, хотя и является тоже представлением, но обусловлена смыслом.

Именно то обстоятельство, что Щерба опирался по существу не на понятия психологические, а на лингвистическую значимость звуков, и позволило ему дать принципиально новый критерий для объяснения единства фонемы.

Единство фонемы определяется, по Щербе, не просто близостью акустико-артикуляционных свойств, как это полагал Томсон и как это выходит, в сущности, и по Бодуэну, но смысловыми отношениями, существующими в данном языке. Только с этой точки зрения и становится понятным разное использование одинаковых звуковых различий в разных языках, как это и показал Щерба в приведенной цитате и дальше в ряде примеров, иллюстрирующих это положение²⁷.

Далее, именно непосредственная связь со смыслом и делает по Щербе звук я з ы к о в о й единицей — звуком речи, фонемой. В «Русских гласных...» он пишет: «Так как основной интерес речи лежит в смысловых представлениях, то звуковые нормально не находятся в светлом пункте сознания. Казалось бы с этой точки зрения, что и анализ звуковых представлений нами не производится, и фонетическая делимость есть результат в значительной степени научного мышления. Но дело в том, что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений, так *л* в словах *пил, бил, выл, дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; *а* в словах *корова, вода* ассоциировано с представлением субъекта; *у* в словах *корову воду* с представлением объекта и т. д., и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям, элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность»²⁸.

Мысли о том, что сущностью фонемы является ее возможность быть связанной со смыслом непосредственно (т. е. использоваться в качестве определенных грамматических показателей) или «даже играть роль целых слов, как, например, *а, и*»²⁹, Щерба остался верен до конца своей жизни. Так, в посмертной статье «Очередные проблемы языковедения» он пишет: «...В языке утилизируются звуки не просто как физические или физиологические явления, а как элементы языка, имеющие или по крайней мере могущие иметь значение»³⁰.

Эту же мысль мы находим и во введении к «Грамматике русского языка» Академии наук, написанном Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым, где сказано: «Лингвистическая природа отдельных звуков речи и определяется тем, что каждый из них может что-то значить в данном языке, и термин *фонема* введен именно с целью подчеркнуть это обстоятельство»³¹.

Именно в этом свойстве фонемы — быть *потенциальным носителем смысла* — и заключается, в понимании Щербы, ее сущность. Эта его основная мысль осталась незамеченной, так как в дан-

²⁶ «Русские гласные в качественном и количественном отношении», 1912, стр. 9.

²⁷ Там же, стр. 10—12.

²⁸ Там же, стр. 6—7.

²⁹ Там же, стр. 5.

³⁰ «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. IV (1945), стр. 185.

³¹ Указ. соч., стр. 12.

ном им в «Русских гласных...» определении фонемы она была не вполне отчетливо выявлена. «Фонемой, — пишет Щерба, — называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо в речи без искажения фонетического состава слова»³².

Часть этого определения, указывающая на то, что фонема способна «ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова», была воспринята как одна мысль, а отсюда и был сделан имеющий широкое хождение вывод, что будто бы значение щербовской трактовки фонемы заключается в том, что он открыл смыслоразличительную функцию фонемы. Так и Трубецкой, цитируя Щербу, говорит, что в его определении фонемы «впервые отчетливо выявлена смыслоразличительная функция фонемы»³³. Если бы это действительно было так, то это было бы только повторением мысли, уже встречавшейся, как это указывалось выше (см. стр. 67—68), и раньше у разных ученых. Однако из всего рассуждения Щербы, предшествующего его определению фонемы, явствует, что слова «способное ассоциироваться со смысловыми представлениями» заключают самостоятельную мысль о том, что, как мы уже говорили, отдельная фонема может быть непосредственно связана со смыслом. Что же касается положения о смыслоразличительной функции в обычном понимании, то она заключена в выражении — «дифференцировать слова».

Из этого понимания фонемы не только как смыслоразличителя, но и как возможного носителя смысла, со всей очевидностью вытекает, что, в противоположность Бодуэну, фонема является для Щербы *кратчайшим языковым элементом*, иначе говоря — *далее неделимым*. Дело в том, что если ограничиваться лишь положением о *смыслоразличительной функции фонемы*, то можно эту функцию приписать не фонеме в целом, а отдельным ее свойствам, как это мы и видели у Бодуэна в приведенной выше (см. стр. 63) цитате. Если же, согласно Щербе, считать, что фонема сама может являться носителем смысла, то и естественно, что она выступает как *неделимая единица*.

Мысль Щербы о том, что фонема есть потенциальный носитель смысла, проявляется также и в его рассуждениях в «Русских гласных...» о фонетической делимости слова, хотя здесь и не все до конца им раскрыто.

С одной стороны, слово (или слог) расчленяется на отдельные фонемы благодаря звуковым ассоциациям. «Так, мы узнаем, — пишет Щерба, — элементы *s* и *n* в слове *сан* как тождественные с начальным и конечным элементом в слове *сон*, и в силу этого сознаем, как отличные, серединные элементы *a* и *o*»³⁴. С другой стороны, как это явствует из приведенной нами цитаты (см. стр. 69), фонетическая делимость оказывается возможной лишь благодаря тому, что фонема может быть носителем смысла. То, что именно последнее соображение и было для Щербы основным, хотя он прямо об этом и не говорит, вытекает из следующего его замечания: «Можно себе представить язык, в котором все слоги открытые и состоят из одного какого-либо согласного и гласного *a*, и в таком языке фонемами будут *ka*, *ta*, *sa* и т. д., — *a* не будет отделяться сознанием. В известном отношении к подобному состоянию, повидимому, приближался древне-японский язык, что и отразилось на японском алфавите»³⁵. Из этой цитаты ясно, что не звуковые ассоциации являются решающими для фонематического членения, поскольку наличие одного и того же гласного *a* и противоположения разных согласных, сочетающихся с ним, недостаточно для разделения слога на две фонемы.

³² «Русские гласные...», стр. 14.

³³ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, 1939, стр. 34.

³⁴ Указ. соч., стр. 6.

³⁵ Там же, стр. 8 (сноска).

Однако если фонетическая делимость обуславливается тем, что фонема потенциально обладает самостоятельной значимостью, то остается неясным, чем определяется выделение таких фонем, которые в данном языке никогда ее не имеют.

Необходимо остановиться еще на одном существенном положении учения Щербы о фонеме. «Само собой разумеется, — пишет он, — что абсолютной границы между оттенками и фонемами нет, как вообще в природе нет никаких резких разделений, которые обыкновенно принимаются нами лишь ради удобств научного изучения»³⁶. Далее (см. стр. 17—18) Щерба показывает на примерах разных языков, как из тех или иных оттенков образуются самостоятельные фонемы и как, наоборот, самостоятельные фонемы превращаются в оттенки. Следовательно, Щерба рассматривает фонемы любого языка не как статические единицы, а как единицы, находящиеся в процессе непрерывного развития.

Заканчивая изложение идей Щербы, заключающихся в «Русских гласных...», следует отметить некоторые положения, вытекающие из психологической трактовки фонемы, с которыми нельзя согласиться и которые в свое время затруднили понимание сути дела. Определяя фонему как типовое, общее представление, Щерба вместе с тем говорит, что «...это не отвлеченные общие признаки группы частных представлений — это совершенно конкретное звуковое представление...»³⁷. И далее мы читаем: «Фонемами являются те оттенки, которые находятся в наименьшей зависимости от окружающих условий»³⁸. Таким образом, Щерба вводит здесь по существу понятие т и п и ч н о г о оттенка (хотя и не употребляет еще этого термина), объективно существующего и имеющего немаловажное значение. Однако, отождествляя его с фонемой, он тем самым вносит путаницу в вопрос о взаимоотношении понятий фонемы и оттенка: с одной стороны, он называет фонему т и п о в ы м представлением и, следовательно, включающим в себя совокупность оттенков, а с другой стороны, он отделяет фонему, заключенную в ее основном оттенке, от всех прочих оттенков; тем самым оттенки оказываются существующими н а р я д у с фонемой.

Правда, дальше Щерба оговаривается, что фонемы «...приближаются к логическим общим представлениям...»³⁹, поскольку т и п и ч е с к о е для данной фонемы повторяется во в с е х оттенках, и еще дальше говорит о р а с п а д е н и и фонем н а о т т е н к и⁴⁰. Но все это изложено недостаточно ясно, и у читателя не создается четкого и правильного представления о соотношении фонемы и ее оттенков. Это и было причиной возникновения широко распространенного среди наших лингвистов ошибочного представления, будто в языке существуют две категории звуков — фонемы и оттенки фонем.

Вышеупомянутое определение Щербой фонемы как конкретного фонетического представления основывается на положении Бодуэна о стремлении произносить фонемы одинаково во всех положениях (см. стр. 64). Причину же образования оттенков Щерба, вслед за Бодуэном, видит в несоответствии намерения с исполнением. Несостоятельность этих соображений даже с психологической точки зрения была очевидной с самого начала. Еще Томсон в рецензии на «Русские гласные...» писал: «Как было бы возможно, чтобы, например, при произнесении слова *дети* могло существовать акустическое представление открытого («нормального», «типичного», «фонемы») *e*, и чтобы мы намеревались его произносить, если мы в обычной речи всегда слышали и произносили это слово только с закры-

³⁶ Указ. соч., стр. 16.

³⁷ Там же, стр. 12.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 15—16.

тым е»⁴¹. Ссылка на «намерение говорящего» ведет к субъективно-идеалистическому пониманию фонемы, которое никак не вяжется с сущностью ее трактовки, данной самим же Щербой.

К вопросам, связанным с теорией фонемы, Щерба возвращается через значительный промежуток времени в книге «Фонетика французского языка», вышедшей первым изданием в 1938 г. В этой книге сохранены важнейшие положения учения о фонеме, данные в «Русских гласных...», но вместе с тем в ней имеются и некоторые существенные отличия. Прежде всего Щерба отказался, как он об этом говорит, от «...изложения психологической стороны дела»⁴², что, однако, в основном не отразилось на самом существовании теории. Еще Н. Ф. Яковлев в книге «Таблицы фонетики кабардинского языка» (Москва, 1923) показал, что рассуждения Щербы о фонеме заставляют признать ее «...целиком обусловленной определенным соотношением звуковых и семантических элементов в лексике и морфологии данного языка...»⁴³.

В книге «Французская фонетика» особенно ясно подчеркнута одна из основных положений учения о фонеме Щербы, заключающееся в том, что единство фонемы определяется смыслом. «В самом деле, — пишет он, — вопросительная частица *a?*, произнесенная громко или шепотом, басом или дискантом, представляет собой, конечно, разные звуки и физически и биологически. Однако с лингвистической, или социальной точки зрения это одна и та же частица, один и тот же звук. Следовательно, мы в данном случае, в частных явлениях, каковыми являются физически и биологически эти разнo произнесенные *a?*, видим нечто общее, которое и утилизируем в целях коммуникации.

Чем же определяется это общее? Очевидно, именно коммуникацией, которая является основной целью языка, т. е., в конечном счете, смыслом: единый смысл заставляет нас даже в более или менее разных звуках узнавать одно и то же»⁴⁴.

Это общее, существующее в разнообразных звуках, Щерба и называет фонемой. Желая подчеркнуть, что в данном случае дело идет не об одном конкретном звуке, он употребляет выражение *з в у к о в о й т и п*. Некоторые наши лингвисты, либо по недоразумению, либо сознательно, стремясь опорочить теорию Щербы, искажают вкладываемый им в это выражение смысл. Они изображают дело так, будто, по Щербе, единство фонемы, как звукового типа, определяется только акустико-артикуляционным сходством, существующим между ее оттенками⁴⁵. Между тем не кто иной, как Щерба, еще в «Русских гласных...», как было показано выше, доказал, что суть дела не в акустико-артикуляционном сходстве звуков.

Во «Французской фонетике», как это видно из вышеприведенной цитаты, Щерба остается на той же точке зрения: только лингвистическая сторона — смысл обеспечивает единство фонемы. Он говорит о звуковых типах, «способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения»⁴⁶, а не о типах, объединяемых просто единством акустико-физиологических признаков.

Отказавшись от психологизма, Щерба стремится подойти к определению понятия фонемы с диалектико-материалистической точки зрения⁴⁷. Отношение между фонемой и оттенками он рассматривает как отношение

⁴¹ Arch. f. slav. Philol., Bd. XXXIV, 1913, стр. 562—563.

⁴² Указ. соч., стр. 19.

⁴³ Указ. соч., стр. 67.

⁴⁴ Указ. соч., стр. 18.

⁴⁵ С. К. Шаумян (см. «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. XI (1952), стр. 340) позволяет себе даже поставить на одну доску Щербу и Джоунза; недопустимость этого уже была показана в статье А. А. Реформатского «К проблеме фонемы и фонологии» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. XI (1952), стр. 469).

⁴⁶ Указ. соч., стр. 17.

⁴⁷ Первая попытка такого подхода была предпринята И. Сунцовым в статье «Фонема», опубликованной в журнале «Мовознавство», 1934, № 2.

между общим и частным, называя оттенками фонем «реально произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема)»⁴⁸.

Из этого видно, что, несмотря на неудачное выражение, что фонема р е а л и з у е т с я в различных звуках, Щерба не отрывает фонемы от реального звучания, понимая ее как единство звука и его лингвистической функции. Поэтому он в статье «Очередные проблемы языковедения» так категорически и возражает против отрыва фонетики от фонологии⁴⁹.

В «Фонетике французского языка» Щерба устранил путаницу между понятиями фонемы и типичного оттенка, имевшую место, как уже отмечалось, в «Русских гласных...». Здесь он говорит, что «среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым типичным для данной фонемы... Для простоты в дальнейшем фонемой будет называться и этот типичный ее оттенок, и лишь когда это будет почему-либо важно, эти понятия будут различаться»⁵⁰.

* * *

Учение о фонеме, как оно было представлено в трудах Бодуэна, с одной стороны, и в «Русских гласных» Щербы, с другой стороны, было воспринято Н. Трубецким и Р. Якобсоном, эмигрировавшими после революции за границу, и нашло отражение в их работах. Однако оно было перестроено ими в плане идей Соссюра и превратилось в основную доктрину современного структурализма.

Структуралисты положили в основу своей фонетической концепции две главнейшие идеи Соссюра: во-первых, идею о необходимости различения языка (langue) и речи (parole) и, во-вторых, мысль о том, что язык построен на противопоставлениях. По этому поводу Соссюр говорит следующее: «Два знака, включающие каждый и означаемое и означающее, не различны (différents), они только различимы (distinct). Между ними есть лишь п р о т и в о п о с т а в л е н и е. Весь механизм языка, о чем речь будет ниже, покоится на этого рода противопоставлениях и на в ы т е к а ю щ и х и з н и х (разрядка наша. — Л. З., М. М.) звуковых и концептуальных различиях»⁵¹.

Трубецкой⁵² начинает свою книгу «Основы фонологии» с рассуждения о необходимости различать язык и речь⁵³. Соответственно с этим он настаивает и на обязательном разделении фонетики на две науки: науку о звуках речи — фонетику и науку о звуках языка — фонологию. Предметом фонетики является только акустико-артикуляционная сторона звуков, а предметом фонологии — только функциональная сторона. Так, на стр. 13 цитированного сочинения Трубецкой говорит: «Особенно характерно для фонетики полное исключение всякой связи с языковым значением изучаемых звуковых комплексов». И далее на стр. 14: «Фонология должна исследовать, какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловозначением, как относятся друг к другу различительные элементы (или признаки) и по каким правилам они могут комбинироваться в слова (или в предложения)». Таким образом, Трубецкой, исходя из идей Соссюра, что «в языке нет ничего, кроме различий»⁵⁴, что все покоится

⁴⁸ Указ. соч., стр. 17.

⁴⁹ «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. IV (1945), стр. 185.

⁵⁰ Указ. соч., стр. 17.

⁵¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, 1933, стр. 120.

⁵² Наиболее ярким представителем структуралистов в области учения о фонеме является Трубецкой, в книге которого «Основы фонологии» изложены все их основные положения. В дальнейшем мы и останавливаемся только на этой книге, так как некоторые отличия, встречающиеся в работах других структуралистов, не имеют методологического значения.

⁵³ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, 1939, стр. 5.

⁵⁴ Соссюр, указ. соч., стр. 119.

лишь на противопоставлениях, и видит задачу фонологии только в исследовании звуковых различий. Отсюда и мысль о том, что тогда как фонетик «должен тщательно исключать всякий учет смысла говорящего (т. е. функции знака)», фонолог должен обращать внимание только на то в звуке, что выполняет определенную функцию⁵⁵.

Под функцией звука в языке Трубецкой, как это видно из вышеприведенной цитаты, понимает способность звуковых различий осуществлять смысловозначение.

Поскольку, по Трубецкому, для звуковых различий основным является противопоставление (оппозиция), постольку он и к понятию фонемы подходит, отправляясь от этого положения. Он начинает с определения понятия фонологической оппозиции: «Под фонологической оппозицией мы понимаем всякое звуковое противопоставление, которое может дифференцировать смысл в данном языке»⁵⁶. Отсюда он переходит к понятию фонологической единицы и говорит: «Каждый член такой оппозиции мы называем фонологической (различительной) единицей»⁵⁷. Объем такой единицы, по Трубецкому, может быть различным: в паре слов *отец* — *мать* такими единицами являются целые слова, в паре слов *стол* — *стул* — отдельные гласные. И, наконец, он дает следующее определение фонемы: «Фонологические единицы, которые в данном языке не могут быть разложены на более короткие следующие друг за другом единицы, мы называем фонемами. Таким образом, фонема является наименьшей фонологической единицей данного языка»⁵⁸.

Следовательно, по Трубецкому, фонема это лишь член противопоставления, как он это сам и подчеркивает, говоря, что «состав фонем (*das Phoneminventar*) того или иного языка является лишь коррелятом системы фонологических противопоставлений»⁵⁹. Такое понимание фонемы ведет к разделению ее звуковых свойств на две категории — существенные (релевантные) и несущественные (иррелевантные) признаки, поскольку для фонемы, как члена противопоставления, существенно лишь то, что его отличает от другого члена противопоставления. Фонема и есть, по Трубецкому, «совокупность фонологически существенных свойств звука»⁶⁰. Поэтому фонолога, как считает Трубецкой, должны интересовать только эти существенные признаки, все же остальные свойства фонемы не должны приниматься в расчет, и их изучение, как было уже указано, должно быть делом фонетики.

Порочность такого взгляда заключается в том, что существенными признаются только различительные (дифференциальные) признаки фонемы. На самом же деле для фонемы, представляющей диалектическое единство материального и идеального, существенны все ее признаки. Так, в русском *г* его носовой характер не является его различительным признаком, поскольку в русском языке ему не противопоставляется носовой заднеязычный; этот признак, по Трубецкому, и будет поэтому для *г* несущественным. Однако, замена *г* соответствующим носовым, например, в слове *год* (т. е. [гот]), искажает его до неузнаваемости. Итак, выведение понятия фонемы из противопоставлений приводит структуралистов к ложному нематериалистическому толкованию ее.

Из такого понимания фонемы вытекает и еще одна идеалистическая структуралистская концепция, а именно — учение об архифонеме.

Поскольку фонема есть лишь член оппозиции, постольку она может быть выявлена только при сопоставлении с другим членом оппозиции,

⁵⁵ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, 1939, стр. 14.

⁵⁶ Там же, стр. 32.

⁵⁷ Там же, стр. 32—33.

⁵⁸ Там же, стр. 34.

⁵⁹ Там же, стр. 60.

⁶⁰ Там же, стр. 35.

т. е. при наличии их в одинаковом фонетическом положении. Если же в каком-либо фонетическом положении встречается только один из членов противопоставления, то он, по Трубецкому, утрачивает свою индивидуальность, противопоставление в данном положении нейтрализуется, и произносимый звук выступает в качестве «представителя а р х и ф о н е м ы»⁶¹. Архифонема, по Трубецкому, представляет собой совокупность общих различительных признаков двух фонем. Так, например, фонемы *д* и *т* в русском языке имеют в качестве общих различительных признаков смычность, переднеязычность и отсутствие носового резонанса; эти общие признаки и составляют архифонему, которая появляется в том фонетическом положении, где фонемы *д* и *т* не противопоставляются по глухости — звонкости (например, в абсолютном исходе). Следовательно, архифонема лишена реального звукового воплощения, так как не может существовать просто переднеязычный смычный согласный, который бы не был либо глухим, либо звонким. Поэтому архифонема, будучи оторвана от конкретного звучания, является также понятием идеалистическим.

Итак, структуралисты, во главе с Трубецким, заимствовав у Шербы одно из положений его учения о фонеме, а именно положение о смысло-различительной ее функции, пошли по ложному пути и завели теорию фонемы в тупик. Дело в том, что понятие архифонемы приводит, вследствие исключения акустического критерия, к невозможности опознать фонему в таком фонетическом положении, где отсутствует противопоставление (например, начальные *г* и *з* в словах *где*, *здоровый*). Однако поскольку в таком фонетическом положении мы все же произносим и узнаем определенные звуки, то отсюда логически вытекает необходимость признать, что в языке существуют звуковые единицы, входящие в состав слова и, следовательно, выполняющие известную языковую функцию, но вместе с тем не соотносимые ни с какой фонемой.

Несмотря на явно идеалистическую сущность понятия архифонемы, одно было в свое время воспринято рядом советских лингвистов, которые, правда, стремились его несколько видоизменить. С. К. Шаумян же в своей статье «Проблема фонемы» возрождает архифонему в ее чистом виде, хотя, как это ему вообще свойственно, не ссылается на источник, полагая, видимо, что достаточно назвать эту фонему «с м е ш а н н о й», чтобы заставить читателей поверить в его авторство. Выступление С. К. Шаумяна свидетельствует о том, что структуралистские идеи до сих пор имеют хождение среди наших языковедов. Правда, подобные взгляды встретили уже достойный отпор в статьях, опубликованных в «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка».

Не может быть сомнений в том, что советские языковеды, вооруженные марксистско-ленинской методологией, сумеют очистить учение о фонеме, которое возникло и было развито в нашей стране, от различных идеалистических наслоений. Марксистская теория фонемы должна иметь своим основанием сталинское учение о роли звукового языка, положение о недопустимости отрыва языка от его «природной материи».

⁶¹ Указ. соч., стр. 71.